

призовем всех людей со своими *имамами*} (Коран 17:71), мусульмане сказали: “О, посланник Аллаха! Разве не ты *имам* для всех людей?” Посланник Аллаха (***) ответил: “Я – посланник Аллаха для всех людей, но после меня будут *имамамы* от Аллаха для людей из дома семьи моей, которые будут пребывать среди людей, но их будут обвинять во лжи и их будут притеснять *имамамы* неверия и заблуждения и их приверженцы. Но только тот, кто помогал им (*имамам* из дома семьи Пророка), последовал за ними и признал их истинными, тот – от меня и со мной и встретит меня, а тот, кто притеснял их, помогал притеснять их и обвинял их во лжи, тот – не от меня и не со мной, и я от него отрекаюсь” [4, 84].

Из исследованного материала *Китаб ал-махасин* явствует, что к концу IX в. шиитские богословы тщательно разработали и сформулировали догмат об *ал-вилайа*, который подразумевал не только признание исключительного права шиитских *имамов* из семьи дома Пророка на правление в исламской общине, но и вменял в обязанность шиитов следовать этому как религиозному предписанию. Таким образом, можно констатировать, что в понимании шиитов в период после «сокрытия» последнего, 12-го шиитского *иамма ал-вилайа* – это вера в божественную миссию шиитских *имамов* на земле, повиновение их воле, знание о том, кто истинный *имам*, и следование его предписаниям в жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ:

- a Шестой шиитский *имам* – Джа’фар ас-Садик (ум. в 765 г.)
- b В тексте одной звездочкой обозначена форма прославления *имам* – Да приветствует его Аллах!
- c Второй шиитский *имам* – ал-Хасан б. ‘Али б. Аби Талиб (ум. в 678 г.)
- d В тексте двумя звездочками обозначена форма прославления пророка Мухаммада – Да благословит его Аллах и да приветствует!
- e Пятый шиитский *имам* – Мухаммад ал-Бакир (ум. в 733 г.)
- f Четвертый праведный халиф и первый шиитский *имам* – ‘Али б. Аби Талиб (убит в 661 г.)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Прозоров С.М. Романов М.Г. Методика извлечения и обработки информации из арабских источников// Восток. № 4. Санкт-Петербург, 2003. С. 117
2. Ал-Махасин ли-л-мухаддис ал-джалил ас-сика Аби Джа’фар Ахмад б. Мухаммад б. Халид ал-Барки Джуз’ 1 – 2, Кумм. 1416/1995 г.
3. Andrew J. Newman. The Formative Period of Twelver Shi’ism, Hadith as Discourse Between Qum and Baghdad, Leeds, 2000. P. 55.
4. Ал-Махасин, ал-Барки, глава-2, хадис-103 (нумерация хадисов Ал-Махасин в тексте обозначены номером главы . номером хадиса: [2.103]).

УДК 94:39 (575.4)

Доржиева Д.Д.

НОВОГОДНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ УЙГУРОВ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О НАВРУЗЕ*

Аннотация. В статье описывается новогодняя обрядность Навруза: приготовление ритуального блюда – сумальяка, обряд поминовения предков, пережитки земледельческих культов, сохранившиеся у современных уйгуров Восточного Туркестана. Подчеркивается важность изучения Навруза для выяснения древних культурно-исторических связей между народами Ближнего Востока, Передней, Средней и Центральной Азии.

Ключевые слова: Навруз, новогодняя обрядность уйгуров Восточного Туркестана, земледельческие культы

D. Dorzhieva

UIGUR'S NEW YEAR'S CEREMONIALISM IN A
CONTEXT OF FOLKLORE AND ETHNOGRAPHICAL
DATA ABOUT NAVRUZ.

Abstract. The article have the description of new year's ceremonial rites of Navruz, exactly, preparation ritual dish - sumalyak, funeral rites of ancestry, survivals of agricultural cults are preserved by modern uigurs of the East Turkestan. The importance of explore Navruz in help to finding-out the ancient uigur's cultural and historical contacts with peoples of the Near East, Front, Middle and Central Asia is accentuated.

Key words: Navruz; uigur's new year's ceremonialism of the East Turkestan, agricultural cults

Территория Восточного Туркестана издавна была своеобразным «полигоном» культурных, религиозных, хозяйственных взаимодействий между разными народами. Многочисленные культурные взаимовлияния (VII-IX вв.) коренного и более позднего, пришлого (согдийского и уйгурского) населения привели к смешению и частичному синтезу культурных традиций, что отразилось в таком явлении духовной культуры, как праздники [21, 26].

Особое место среди всех календарных праздников уйгуров занимает Навруз – старинный, до-

* © Доржиева Д.Д.

исламский древнеиранский праздник, вобравший в себя культурные традиции нескольких цивилизаций.

Навруз – праздновавшийся в день весеннего равноденствия, как известно, самый важный и радостный праздник не только у уйгуров, но и многих других народов. Новый год отмечают все народы мира, в зависимости от местного календаря. У некоторых народов не всегда Новый год совпадает с весенним равноденствием, но начало Нового года во всех странах, с древних времен было связано с началом сельскохозяйственных работ.

В литературных источниках имеются многочисленные упоминания и описания празднования Навруза в древности и при дворцах мифических и персидских шахов. Происхождение и сущность Навруза, а также его обряды и ритуалы зафиксированы в таких письменных памятниках, как Авеста, «Шах-наме» Фирдоуси, произведениях Низами и др. Наиболее подробные сведения встречаются также в трудах классиков средневековой науки и культуры: М. Наршахи (X в.), А. Бируни (X-XI в.), О. Хайяма (XI-XII в.) и др. Причем ими еще в те времена был отмечен земледельческий, народный характер праздника.

В приложении «Шах-наме» Фирдоуси отмечает, что из числа многочисленных праздников зороастрийской религии выделялся, прежде всего, Навруз (Новый год), праздновавшийся в день «вхождения Солнца в созвездие Овна», т. е. весеннее равноденствие (по современному иранскому календарю – 22 марта) [18, 112-119]. В частности, только в Навруз должна была происходить торжественная коронация нового шахиншаха, и с момента этой коронации начиналось новое летоисчисление (по годам его правления). В прошлом по сообщению средневековых авторов существовало два Навруза – официальный, государственный и другой – простонародный. Они не совпадали по времени празднования. Официальный праздник отмечался при дворе шахов, его заместителей в провинциях, областях. А народный связан с полевыми работами и отмечался простыми земледельцами.

Омар Хайям отмечал: «Зороастрийская религия, как религия земледельческих народов, была основана на культе Солнца и тесно связанном с ним культе огня. Солнце рассматривалось как «наместник бога» [20, 137-138]. С этим было связано то, что главным праздником этой религии был день весеннего равноденствия – Навруз. Зороастрийская традиция, возродив своими корнями глубоко уходящий праздник весны, прославляла Аша Вахишта и огонь. Большинство зороастрийских праздников и обрядов были связаны с временами года и носили сезонный характер: празднование Навруза, шести гаханбаров, культ предков

и др. Ритуальная церемония Навруза много веков назад означала воздание хвалы главным и святым для зороастрийцев элементам: огню, воде, земле.

Немаловажное значение для изучения Навруза имеют высказывания Бируни [3, 156, 220]. Касаясь праздников, он их разделяет на мирские и религиозные. Но одновременно упоминает о праздновании Навруза в первый день месяца фервердин - Маха, указывает на его связи с солнечным календарем и описывает те обычаи и обряды, которые бытовали в те отдаленные времена среди иранцев. Бируни неоднократно говорит о земледельческом характере Навруза. Н.П. Лобачева, ссылаясь на Бируни, пишет: «В этот день люди взяли за правило лить воду, брызгать водой на землю, делать подарки, качаться на качелях, дарить сахар, сажать вокруг блюда семь разновидностей злаков на семи полосах, по восходам которых затем судили о качестве злаков в данном году, делать омовение, обливаться дождевой водой» [8, 156].

Другим важным источником для изучения Навруза является работа К.А. Иностранцева. Он пишет: «Справлявшийся торжественно Навруз имел и имеет, как праздник весеннего обновления природы, первостепенное значение в народном календаре земледельческой Персии» [6, 112].

С.П. Толстов также на основе мусульманского мифа о Хусейне усматривает древние элементы, восходящие к идеологии средневекового ближневосточного общества, связанные с архаическими культами умирающих и воскресающих божеств [17, 200]. Неоднократно в литературных источниках встречается мнение о связи шиитского культа Хусейна с культом семитского Таммуза-Адониса. В связи с распространением ислама мусульманское духовенство попыталось дать празднику религиозную окраску. Но в сознании народа Навруз ассоциировался только с весной, с пробуждением природы.

В Восточном Туркестане (по сообщению китайского путешественника X в. Ян Вандэ) турфанцы еще до их исламизации отмечали Навруз и обрызгивали друг друга водой, что было характерным ритуалом этого праздника. Люди наряжались в лучшие новые одежды, украшали головные уборы бумажными цветами и веселились под музыку все вместе — мужчины, женщины, старики, дети, молодежь, собираясь где-нибудь вне селения, за городом, на предназначенном для подобных торжеств месте (мусалла) [4, 201]. Путешественники XIX в., побывавшие на праздниках уйгуров, отмечали, что такие специальные места находились обычно с восточной стороны города. Это мог быть естественный пригорок или склон горы, но чаще сооружали насыпь в несколько метров высотой или высокий деревянный помост; во время праз-

днества там размещались музыканты, вокруг — пришедшие горожане [15, 110]. Подобные сооружения существовали и в начале XX в. Например, в Яркенде насыпь и помост с восточной стороны города так и называли «холм Навруза» [5, 42].

На таких традиционных местах собраний уйгуры устраивали праздничные игры (козлодрание, соревнования в стрельбе из лука на лошадях и другие спортивно-развлекательные состязания), которые символизировали изгнание зимы и радостную встречу весны.

Среди обрядов, исполняемых в праздник Навруз, центральной церемонией было приготовление ритуальной пищи из пророщенных зерен пшеницы – сумальяка. Традицию выращивания пшеницы для приготовления ритуального блюда известны на востоке с древности. По сообщениям античного автора Плутарха (42-126 в. н.э.), среди мидийцев злаки, особенно пшеница, считались священными, и при наступлении нового года из них приготавливали священный напиток «омами» [11, 314]. В древнеиндийской мифологии упоминается о ритуальном, опьяняющем напитке, приготовляемым из сока растений сомы. Аналогию этому напитку найти трудно. Однако параллель в древнеиранском ритуале – хаома – указывает на большую древность культа сомы. Кроме того, в «Авесте» упоминается о почитании двух древнеиранских божеств Митры и Хаумы (древнеиндийск. «Сома») [1, 119]. Это свидетельствует о древнем происхождении сомы, но что это за растение до сих пор не ясно. В тоже время ритуал приготовления сумальяка на Новый год имеет некоторые аналогии с культом древнего напитка сома-хаома. Главное, выращивание пшеницы для солода считалось и считается символом обновления, оживления природы, плодородия, и, кроме того, оно имело магическое значение. Подтверждением этого является то, что сумальяк в народе считалась обрядовой, священной и лечебной пищей, способствовавшей умножению рода.

Так, Г.П. Снесарев, касаясь данного обряда среди оседлых узбеков Хорезма (культурно близких уйгурам), пишет: «Основная цель обряда – достижения плодородия и благосостояния в текущем году – четко прослеживается во всех материалах. Поев сумальяка, будешь многодетной; детей будет столько, сколько крупинок в сумальяке; будет во всем обилие и богатство, все участницы сумальяка достигнут долголетия. Следует обратить особое внимание на то, что приготовленным сумальяком, как правило, одевают бесплодных женщин» [13, 97].

У уйгуров с сумальяком в прошлом был связан ряд поверий, запретов и рекомендаций, носивших явно магический характер. Например, если в середине разлитого в подносы сумальяка

за ночь образовывалось небольшое углубление, значит его благословил пророк своим посохом, что предвещало хороший урожай на предстоящий сезон. Огонь под казаном, где варился сумальяк, должна разжигать «счастливая» женщина, в доме которой был достаток, добрые отношения и здоровые дети, а руководила обрядом самая уважаемая и знающая местные обычаи женщина. К месту приготовления сумальяка не подпускали мужчин, иноверцев и женщин с «дурным глазом». Иногда в некоторых регионах в казан клали щепотку соли от «дурного глаза» [п.м. 2006 г., Ахметова].

В процессе приготовления сумальяка особое место занимала магическая семерка. При этом пшеницу промывали в семи водах, прорастала пшеница семь дней, а пророщенную пшеницу (и другие зерна) после толчения в ступе по частям опять промывали в семи водах, а затем вокруг подноса с зёрнами проводили семь линий и по их росткам определяли, каким будет урожай будущего года.

В час наступления равноденствия уйгуры выкладывали сумальяк на скатерть и стригли зеленые верхушки, одновременно исполняя специальные обрядовые песни, в них прослеживается одна идея: умиловать сверхъестественные силы природы, чтобы в новом году было изобилие [п.м. 2006 г., Ахметов].

Известный исследователь обычаев и религиозных представлений у узбеков Г.П. Снесарев писал: «Пожалуй, ни один из весенних обрядов Средней Азии не имеет столь разительных параллелей в классических культах умирающих и воскресающих божеств древности, как повсеместно бытующий здесь обряд приготовления ритуального кушанья, именуемого сумальяк. Обычай варки сумальяка, связанный с Новрузом, в разных местах Средней Азии варьировал в деталях, но содержание его было неизменно: это чисто женский обряд магического характера, имеющий целью обеспечить богатый урожай текущего года и личное благополучие участниц обряда» [13, 99]. Поскольку традиционные верования узбеков и уйгуров близки, есть основания предполагать, что приготовление сумальяка является пережитком культа умирающего и воскресающего божества.

Особое место в праздничных обрядах, совершавшихся в день весеннего равноденствия, занимал обряд поминовения предков. По представлениям уйгуров, главная цель Навруза заключалась в том, чтобы напоить, накормить и развеять покойных. Обряд поминовения выделялся как особый праздник – Праздник умерших – и отмечался в ближайший к Наврузу четверг или пятницу.

Главной поминальной пищей этого дня были яйца. Они широко применяются в заупокой-

ном культе многих народов мира как символ воскрешения жизни, но особо следует отметить, что яйца как атрибут занимали видное место в весенней обрядности суннитов, где тоже служили символом жизненной силы и плодородия: издавна в Навруз было принято варить, красить и играть яйцами.

Утром в день праздника жители деревень, надев новую одежду, захватив с собой крашенные яйца, а также лепешки и различные сладости, отправлялись на кладбище, где после общей молитвы располагались у семейных могил. Прежде всего участники церемонии поправляли могилы, очищали их, затем начиналась общая трапеза. В заключение обряда остатки пищи раздавались детям, беднякам или просто прохожим со словами: «Пусть он прикоснется к душе умершего!». Так, в жертвенной пище живые стремились соединиться с их усопшими предками.

Но то же время в уйгурском обычае посещения кладбища на Навруз прежде всего обращает на себя внимание сопутствующая ему атмосфера непринужденного праздничного веселья. В этот день все старались быть жизнерадостными, прощали обидчиков, находившиеся в ссоре должны были помириться. Общая трапеза у семейных могил сопровождалась игрой на музыкальных инструментах и исполнением народных песен. Молодежь устраивала катание на качелях. Дети запускали в небо воздушных змеев, бегали с корзинами между могилами, каждый из присутствующих должен был одарить их сладостями [п.м. 2007 г., Зульпикаров]. В этом случае очевидно, что обряд поминовения предков сливался с обычаем выезжать семьями и целыми кварталами на лоно природы, во время весенних празднеств.

Среди древнейших верований, сохранившихся в качестве пережитков в составе календарно-обрядовых праздников уйгуров, особое внимание привлекают обряды и обычаи, связанные с древнейшими земледельческими культурами, такими как культ растительности, воды, огня. На современном этапе древнейшие религиозные представления, связанные с обрядовыми функциями растительности, уже давно позабыты, но сохранился их символический смысл, уходящий своими корнями в глубокую древность.

Что касается применения уйгурами ритуальных растений в быту, то необходимо отметить растение руты, которой приписывали магические свойства. Для очищения пространства, для лечения болезней, для предохранения от злых духов, сглаза уйгуры используют воскурение специальной травой адресман (рута), ею трижды обносят очищаемый предмет или человека, настаивают на воде и купают ребенка, чтобы не сглазили. По поверьям уйгуров, адресман обладает семью це-

лебными свойствами. Во время Навруза уйгуры окуривают дом и членов семьи, как бы очищая от старых последствий уходящего года [п.м. 2007 г., Зульпикаров].

По древнеиранским верованиям, рута считалась одной из древнейших священнейших созданий. Представление о сакральных свойствах руты широко было распространено у всех народов Передней и Средней Азии. К.И. Иностранцев руту называет «предохраняющей от дурного глаза» [6, 98]. К руте обращались в последнюю среду перед Наврузом для «очищения» от невзгод, недугов и неприятностей старого года. Для этого зерна руты, посыпав соли, зажигали и дымом окуривали человека, которого хотели уберечь от болезней [п.м. 2007 г., Зульпикаров].

Использование растения руты как лечебного средства настолько было широко распространено, что древние иранцы отмечали праздник Эсфанд (Эсфандом называется последний месяц солнечного иранского года – примерно с 22 февраля, ближе к весне). Венецианец Пьетро делла Валле, совершивший путешествие в многие страны Востока, включая и Иран (XVII в.) сообщает, что иранцы справляют один из праздников, который они называют Эсфанд, по имени одного сорта травы, которая первой появляется из земли [10, 79]. Этот праздник, по словам автора, не имел отношения к лунному календарю. Эсфандом в Иране и Средней Азии называлось растение руты.

Среди уйгуров этот праздник фольклорно-этнографическими материалами не зафиксирован, нет сведений и в литературных источниках. Вероятно, почитание и использование растения руты быту и во время праздника Навруз является отголоском данного праздника (т.е. Эсфанда).

Обряд почитания деревьев наблюдался автором статьи в селе Кольджат Алматинской области Республики Казахстан. Перед въездом в село на обочине дороги имеется деревянная беседка с растущим посередине деревом. Во время Навруза местные жители привязывают разноцветные ленточки – вотивы – на ветки, прося благословение на следующий год [п.м. 2007 г. Ахметов]. Также у уйгуров сохранилась традиция сажать деревья в день Навруза. М. Миррахимов по этому поводу пишет: «Оставшись до сих пор верными старинным языческим преданиям, мусульмане считают себя связанными сажать в день Навруза в своих садах цветы или деревья, следуя в данном случае древнему языческому обычаю ежегодного символического празднования в Адонисовых садах пробуждающейся природы, рождения весны после долгого зимнего сна» [9, 180].

По поводу культа воды и божества воды в науке есть несколько различных мнений: например, Э. Тэйлор полагал, что особого культа общего

божества воды не сложилось [14, 380]. Другие ученые (Г.П. Снесарев), исследуя культуру древних неевропейских народов, пришли к выводу, что культ воды и общее божество воды в религии этих народов все-таки существовали [13, 75]. Отношение к воде как очищающему средству, естественно, основано на реальном свойстве ее – смывать грязь. Поэтому вполне понятна та роль, которую получила вода в древней лечебной практике, в различных очистительных обрядах, архаических культах уйгуров. Во время праздника Навруз сохранились у уйгуров и обряды, связанные с водой: например, обряд перепрыгивания через ручей для «очищения от грехов» прошедшего года. В дни праздника некоторые девушки исполняли особый обряд – шли к реке и там заходили по колено в проточную воду и пели песни, прося хозяина вод дать им хорошего жениха в этом году [п.м. 2007 г., Насырова]. Но главным все же оставался всеобщий обычай шуточно-магического обливания и обрызгивания друг друга водой с пожеланием богатства и процветания в новом году.

Немаловажное значение во время празднования Навруза отдается культу огня. Общеизвестные и широко распространенные примеры ритуального потребления огня сторонники мифологической школы выводили из древнего культа молнии. Богатейший материал по этому вопросу собран в сочинении А.Л. Куна «Происхождение огня и божественного напитка» [7, 73]. Та же тенденция была и у других авторов. «В земном огне, - писал А.Н. Афанасьев, - древнейшие арийские племена видели стихию, родственную с небесным пламенем грозы, огонь, разведенный на домашнем очаге, точно так же прогоняет нечистую силу тьмы и холода и заготавливает насыщенную пищу, как и молнии, разбивающие темные тучи, дарующие земле теплые весенние дни и урожаи» [2, 34]. Многочисленные этнографы отметили у разных народностей земного шара веру в очистительную, целительную, оплодотворяющую силу огня. Безусловно, эти свойства огня и породили идею об очищении с его помощью.

У уйгуров сохранились следы почитания огня. В дни праздника Навруз, вернее, в последнюю среду, старались прикоснуться к пламени огня, чтобы почувствовать его благотворительную силу (в данный момент очистительную), прыгали через костры, угоняли скот (часто между кострами), что было связано, по поверьям народа, с оплодотворяющей силой огня [п.м. 2007 г. Ахметов]. Этот последний обычай Дж. Фрэзер объясняет желанием, с одной стороны, дать возможность людям и скоту получить частицу жизненной энергии солнца, с другой – подвергнуть их очистительной силе огня [19, 107]. Причем, через костер часто перепрыгивали, держась за руки, парами. Все ука-

занные действия, связанные с огнем, накануне и в дни праздника, выступают как вера в очистительную силу огня, отгоняющую нечистую силу прошлого (старого года). Вера в очистительную силу огня у уйгуров перешла и на такие производные элементы огня, как дым, уголь, головешки. Этим же объясняется окуливание людей и домашних животных в праздничные дни дымом руты (адресман). Кроме перепрыгивания через костры, выполнялись магические и обыкновенные пляски [п.м. 2007 Ахметов]. С.А. Токарев пишет, что пляски вокруг костров известны многим народам мира [16, 147-163].

Данные фольклора и этнографические материалы о праздновании Навруза выявляют неразрывную связь новогоднего праздника с земледельческими культами, указывают на его древние корни и помогают выяснить историческую преемственность, культурно-бытовые и этнокультурные связи уйгуров Восточного Туркестана с другими народами Ближнего Востока, Передней, Средней и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авеста. Наука. СПб. 2005. 286 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. Лит. учеба. М. 1865. - 118 с.
3. Бируни А. Избранные произведения /отв. ред. С.Х. Сирожиддинов. Фан. Ташкент. 1982. - 344 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. Наука, М-Л. 1950. 442 с.
5. Гедин С. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. Т.1. Гос. Тип., СПб. 1899. 96 с.
6. Иностранцев К.А. Древние арабские известия о праздновании Навруза Сасанидской Персии. СПб. 1904. - 119 с.
7. Кун А.Л. Очерки Кокандского ханства. ИИРГО. Т. XII. 1876. - 114 с.
8. Лобачева Н.П. Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Наука. М. 1986. - 304 с.
9. Миррахимов М. Праздник Навруз. Адиб. Душанбе. 1983. - 196 с.
10. Нигмати А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Адиб. Душанбе. 1989. - 357 с.
11. Плутарх. Сочинения. Изд-во С.-Петербургского ун-та, СПб. 2008. 980 с.
12. Полевые материалы автора 2006-2007 гг. в СУАР КНР и Республику Казахстан (г. Кульжа, Турфан, Урумчи, Алматинская область РК, в тексте - п.м. Ахметов, Зулпикаров, Насырова).
13. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Наука. М. 1969. - 365 с.
14. Тэйлор Э. Первобытная культура /пер. с англ., примеч. А.И. Першица. Политиздат. М. 1989. - 572 с.
15. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. Ч. 2. СПб. 1824. 378 с.
16. Токарев С.А. Религии в истории народов мира. Республика. М. 2005. - 542 с.

17. Толстов С.П. Древний Хорезм. Наука. М. 1948. - 560 с.
18. Фирдоуси А. Шах-наме. /под ред. Е.П. Челышева. Тера. М. 1991. – 732 с.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии./Пер. с англ. М.К. Рыклина. Эксмо. М. 2006. - 658 с.
20. Хайям О. Науруз-наме /пер. Б.А. Розенфельда. Гайрат. М. Ашхабад. 1986. - 202 с.
21. Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. Наука. М. 2006. - 288 с.

РАЗДЕЛ 5. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 940.2(437)+940.5(437)

Филатова О.И.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР ПРАГИ: ЧЕШКО-РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ*

Аннотация. Знаковый интерес истории культуры Чехии Нового времени представляет Национальный театр Праги, славянские приоритеты которого отражены рядом письменных свидетельств: корреспонденции «Из чешской Праги», гастрольные афиши, эпистолярное наследие, автограф Чайковского – музыкальный фрагмент, атрибутированный автором данной статьи как вступительный мотив оперы «Евгений Онегин». Чешско-русские контакты выявляют взаимное тяготение, реализованное на ниве славянской музыкальной культуры.

Ключевые слова: история Чехии, Национальный театр Праги, музыкальный славизм.

O. Filatova

TNE NATIONAL THEATRE IN PRAGUE: CZECH-RUSSIAN MUSICAL CONTACTS

Abstract. Significant interest of Modern History's European culture is presented by the National Theatre in Prague, which Slavonic priorities were personified in written documents: reports «From the Czech Prague», tour's placards, memoirs, the musical autograph by Tchaikovsky – melody

* © Филатова О.И.

fragment, attributive by Miss Olga Filatova as the introduction tune of his opera «Eugene Onegin». Czech-Russian contacts demonstrated interaction's attraction, which were realized in the ground of Slav music culture.

Key words: Czech history, The National Theatre in Prague, Slav music.

В перипетиях европейской истории Чехия Нового времени неизбежную борьбу за национальные достижения проявляла и на поле музыкальной культуры, особенно – невербализированной (следовательно, нецензурированной) – инструментальной, знаменуя собою, тем не менее, будто внешне замаскированный, но на деле – интонационно четкий призыв верности высоким истокам духовной памяти, достоинству народного самостояния, восстановлению государственной независимости. Музыка – и вокальная, хранившая чешский язык, и инструментальная, культивировавшая чешские интонации – совершенно явственно осуществила первые конкретные шаги на пути (после Белогорской трагедии 1620 г.) восстановления национальной самостоятельности.

Чешская нововременная культура настолько прочно взрастала на завещанных традициях, что их соблюдение постепенно, но неуклонно, путем концентрации духовных установок, финансовых средств и художественных усилий, привело к «собиранию нации», не допустив ее распыления, растворения, поглощения, исчезновения. Изучение чешского ареала европейской истории культуры Нового времени как научная проблема отличается комплексным характером исследования, актуальность которого насыщается продуктивностью славянского опыта.

Реконструктивный просмотр историко-документальной «киноленты» чешской культуры Нового времени выделяет «кадры», раскрывающие перипетии рождения Национального театра, музыкальные страницы деятельности которого составили объект рассмотрения данной статьи, где предметным вектором изложения стали чешско-русские контакты. Исследовательской базой обобщения явились отобранные автором и вводимые в научный оборот материалы Российского государственного архива литературы и искусства (далее: РГАЛИ) и его бывшего «спецхрана».

Блестящей и драматичной страницей европейской истории культуры становится даже процесс возведения здания Национального театра Праги, ставшего символом самостояния нации и генетически взаимосвязанного с музыкальной культурой Чехии. Корреспондент журнала «Артист» К. Штендик в серии своих статей, под знаковым наименованием «Из чешской Праги», документально достоверно и художественно при-